

ALEKSANDRA SZYMAŃSKA

 <http://orcid.org/0000-0002-3380-5396>

Uniwersytet Łódzki
Wydział Filologiczny
Instytut Rusycystyki
Zakład Literatury i Kultury Rosyjskiej
90-226 Łódź
ul. Pomorska 171/173
aleksandra.szymanska@uni.lodz.pl

МИФ ДОН ЖУАНА В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ АЛЕКСАНДРА БЛОКА И ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА

THE MYTH OF DON JUAN IN LIFE AND LITERARY WORKS OF ALEXANDER BLOK AND VALERY BRYUSOV

The subject of interest in this article is the myth of Don Juan in the life and literary works of two great figures of the Silver Age – Alexander Blok and Valery Bryusov. The consideration of the biographies of writers (Blok's marriage to Mendeleeva, Bryusov's romance with Nina Petrovskaya) as well as selected examples from their literary works (Blok's poems: "Ya ee pobedil nakonets...", "The Commander's Footsteps"; Bryusov's poems: "I snova...", "Don-Juan") in the context of the culture of the Silver Age (the philosophy of Vladimir Solovyov, the idea of life-creation, ideas about the "Eternal Feminine", the myth of the Beautiful Lady, the vampiric myth) led us to the conclusion that the 'don juanism' was one of the important components of the myths of poets. We noted that in both cases the concept of 'don juanism' is strictly correlated with the concept of vampirism. On the other hand, it is also related to such concepts as "Eternal Femininity", 'true to the ideal', and 'the role of art'. All these provide us with the basis to state that the productivity and potential of the theme of Don Juan goes far beyond the usual notion of Don Juan as a seducer.

Keywords: Alexander Blok, Valery Bryusov, Don Juan, the Silver Age

Предметом интереса в данной статье является миф Дон Жуана в жизни и в творчестве двух великих фигур Серебряного века – Александра Блока и Валерия Брюсова. Рассмотрение некоторых биографических фактов из жизни писателей (женитьба Блока на Менделеевой, роман Брюсова с Ниной Петровской), а также избранных примеров из их литературного наследия (стихотворения Блока: «Я ее победил, наконец...», *Шаги Командора* и Брюсова: «Я снова...», *Дон-Жуан*) в контексте культуры Серебряного века (философия Владимира Соловьева, идея жизнотворчества, представления о «Вечной Женственности», миф о Прекрасной Даме, вампирический миф), привело нас к выводу, что донжуанство было одной из важных составляющих мифов поэтов. Мы отметили, что в обоих случаях понятие донжуанства строго соотносится с понятием вампиризма. С другой стороны, оно связано и с такими понятиями, как: «Вечная Женственность», верность идеалу и значение искусства. Все это дало

нам основание констатировать, что продуктивность и потенциал темы Дон Жуана выходят далеко за пределы привычного представления о Дон Жуане как обольстителе.

Ключевые слова: Александр Блок, Валерий Брюсов, Дон Жуан, Серебряный век

Предметом нашего интереса станет миф Дон Жуана в жизни и в творчестве двух великих фигур Серебряного века – Александра Блока и Валерия Брюсова. Мы рассмотрим не только известные донжуанские стихотворения поэтов, но также те из их поэтического наследия, которые, на наш взгляд, стали основой для своеобразной трактовки поэтами мифа Дон Жуана. Постараемся доказать, что миф Дон Жуана обогащается в интерпретации поэтов новыми ассоциациями и смыслами за счет важнейших мифов Серебряного века и их философской основе.

Миф Дон Жуана в произведениях Блока и Брюсова рассмотрим в контексте эпохи с ее интересом к жизнетворческой практике. С целью реализации поставленной задачи мы обратимся к тем произведениям поэтов или их современников, которые влияли на формирование мифопоэтических образов Блока и Брюсова, т. е. их персональных мифов.

Одной из распространенных автопоэтических стратегий русских писателей Серебряного века было именно жизнетворчество, т. е. формирование собственной жизни как произведения искусства¹. Основная идея жизнетворчества заключалась в разрушении границы между жизнью и искусством. С одной стороны, собственная жизнь становилась материалом для искусства. С другой – искусство предлагало образцы для эстетизации быта². Жизнетворчество делало желанным использование авторских масок (альтернативных субъектностей), уподобляя жизнь театру, а человека – режиссеру собственной жизни³. Однако надо помнить, о чем впоследствии писала Лидия Гинзбург, отмечавшая, что соотносительность жизни и искусства «не равносильна их тождеству и разрушительной перетасовке»⁴.

Одним из самых знаменитых жизнетворческих проектов, исходящим из символистского прочтения событий повседневной жизни и вдохновленным философией Владимира Соловьева стал брак Блока с Менделеевой. Их брак был попыткой воплотить в жизнь декадентские утопии, основанные на девственном браке и девственности, а также попыткой Блока выйти в новое

¹ Больше о модернистском жизнетворчестве см.: З. Г. Минц, *Поэтика русского символизма*, Санкт-Петербург: Искусство – СПб 2004, с. 396–413.

² К. Эконен, *Творец, субъект, женщина. Стратегии женского письма в русском символизме*, Москва: Новое литературное обозрение 2011, с. 107.

³ Там же, с. 109.

⁴ Л. Гинзбург, *О психологической прозе*, Ленинград: Художественная литература 1977, с. 27.

духовное пространство путем соединения философии и поэзии с жизнью. Чтобы наиболее полно реализовать идею мистического брака, Блок поставил перед собой задачу преодолеть в самом себе земное, чувственное влечение к той, в которой он увидел воплощение «Вечной Женственности»⁵. Философия Владимира Соловьева и особенно его идеи о «Вечной Женственности» стали для Блока и других младших символистов одним из важнейших контекстов для формирования взглядов на любовь⁶. Брак с Менделеевой и *Стихи о Прекрасной Даме* Блока – самые яркие примеры влияния категории «Вечной Женственности» на поэта. Стремление лирического героя *Стихов о Прекрасной Даме* к обновлению мира «бессмертной» любовью, нерасторжимость мистического и реального заставляет рассматривать их с учетом биографических реалий и философских предпосылок.

Стремление лирического героя Блока к идеалу, противопоставление земной и небесной любви позволяют заметить в *Стихах о Прекрасной Даме* развитие не только философии и мистической лирики Соловьева, но и отзвуки известных литературных сюжетов, сходство лирических героев с известными культурными образами. Итак, Зара Минц отмечает трансформацию лирической героини из *Стихов о Прекрасной Даме* в Офелию, Кармен, Коломбину и Донну Анну⁷, а также лирического героя в философско-мистический образ-символ, посвятившего себя безответной любви и аскетическому служению мистической Даме «рыцаря бедного»⁸.

Отметим, что стремление лирического героя к идеалу, локализованному в земной женщине, является одной из важнейших составляющих не только образа «рыцаря бедного», но и романтического Дон Жуана. Взгляд на Дон Жуана как на «младшего брата» Дон Кихота является одним из исследовательских ракурсов при рассмотрении этих двух «вечных образов»⁹. На основании вышесказанного можем констатировать, что в ранней лирике Блока присутствие отзвуков мифа Дон Жуана ощущается через его близость с другим мифом Нового времени.

Как представляется, миф Прекрасной Дамы не единственный, который определил восприятие поэта современниками и не единственный, в котором

⁵ См.: Т. В. Игошева, *Ранняя лирика А. А. Блока (1898–1904). Поэтика религиозного символизма*, Москва: Глобал Ком 2013, с. 321.

⁶ См.: З. Г. Минц, *Александр Блок и русские писатели*, Санкт-Петербург: Искусство – СПб 2000, с. 41.

⁷ З. Г. Минц, *Поэтика русского символизма...*, с. 378.

⁸ Отметим, что исследовательница соотносит образ блоковского «рыцаря» скорее с пушкинским образом «рыцаря бедного», нежели с Дон Кихотом Сервантеса. См.: З. Г. Минц, *Александр Блок и русские писатели...*, с. 162.

⁹ В. Е. Багно, *Расплата за своеволие, или воля к жизни*, [в:] *Миф о Дон Жуане. Новеллы, стихи, пьесы*, сост. В. Е. Багно, Санкт-Петербург: «Terra Fantastica» 2000, с. 10.

мы можем вычлени́ть донжуанский аспект. Заметное место в мифе о Блоке, а затем в его поэзии, занял вампирический мотив. Изображение самого себя в образе вампира встречается уже в ранних письмах поэта к будущей жене:

Я без конца буду влюбленный, буду страстный, буду Твоей поклонник и раб. Если иногда будут времена упадка и слабостей – ничего. Я впился в Твою жизнь и пью ее¹⁰.

Вампирический этап поэзии Блока ознаменован стихотворениями сборника *Страшный мир*, вошедшими в цикл *Черная кровь*. Одним из стихотворений цикла является *Я ее победил наконец!* (1909).

Упомянутое стихотворение, так же как *Песнь ада*, можно отнести к теме «инферральности» быта¹¹ и поставить в широкий контекст «вампиризма» эпохи¹² с ее безысходностью, забвением и обреченностью. Нас интересует тот аспект прочтения стихотворения, который заключается в отождествлении любовника с вампиром и женщины с его жертвой. Вампиризм лирического «я» в стихотворении *Я ее победил наконец!* можно, на наш взгляд, рассмотреть, как одну из ипостасей донжуанизма «конца века». Согласно настроению эпохи, донжуанизм в стихотворении Блока приобретает мрачные тона.

Ликование победителя, вынесенное поэтом в открывающую стихотворение строку, звучит как жизненное кредо любого Дон Жуана. Победа над женщиной, как известно, является целью всех устремлений любовника. Стихотворение Блока изображает именно картину победы лирического «я» над женщиной, а в более широком плане – вампиризма над любовью, декадентского бессмертия над «живой» жизнью. Бессмертие вампира куплено ценой жизни его жертвы:

Гаснут свечи, глаза, слова...

– Ты мертва, наконец, мертва!

¹⁰ Письмо от 31 мая 1903 г. См. А. А. Блок, *Письма к жене*, под ред. В. Р. Щербины, Москва: Наука 1978, т. 89, с. 139.

¹¹ *Песнь ада* в таком контексте рассматривает, между прочим, К. Азадовский, *Серебряный век. Имена и события*, Санкт-Петербург: Издательство Пушкинского Дома: Нестор-История 2016, [электронный ресурс] <https://books.google.pl/books?id=o0EwDwAAQBAJ&pg=PT69&lpg=PT69&dq=%D0%9F%D0%B5%D1%81%D0%BD%D1%8C+%D0%B0%D0%B4%D0%B0+%D0%B1%D0%BB%D0%BE%D0%BA&source=bl&ots=sYJvKdNyNz&sig=ACfU3U1orNQrnJyeSrATlucXFua0ikdbw&hl=pl&sa=X&ved=2ahUKewjZoe2GnY3oAhVKxaYKHcHLDAMQ6AEwBXoECAkQAQ#v=onepage&q=%D0%9F%D0%B5%D1%81%D0%BD%D1%8C%20%D0%B0%D0%B4%D0%B0%20%D0%B1%D0%BB%D0%BE%D0%BA&f=true> [09.03.2020].

¹² Более подробно о вампиризме *fin de siècle* см.: О. Матич, *Эротическая утопия: новое религиозное сознание и fin de siècle в России*, Москва: Новое литературное обозрение 2008, с. 33.

Знаю, вышил я кровь твою...

Я кладу тебя в гроб и пою, –

Мглистой ночью о нежной весне

Будет петь твоя кровь во мне!¹³

Отметим, что в стихотворении *Я ее победил наконец!* «вампир-донжуан» остается безнаказанным. Лирическое «я» чувствует прилив жизненных сил в то время, как его жертва мертва.

Представляется возможным доказать, что мотив наказания «вампира-любownika» разработан Блоком в более позднем стихотворении – в *Шагах Командора* (1912)¹⁴. На наш взгляд, в тексте стихотворения можно указать на достаточные сигналы, которые позволят усмотреть в блоковском Дон Жуане одну из ипостасей героя-вампира. Этот аспект анализа ускользал до сих пор внимания исследователей.

Напомним, что тональность всему стихотворению задает картина мертвой Анны. Поэт идет вопреки традиции в изображении судеб участников донжуанской фабулы. Наказанной смертью оказывается Донна Анна. Дон Жуану впервые у Блока приходится мериться силами не с Командором, а именно с мертвой Анной. Вопреки сложившейся традиции акт мести любовнику предоставляется у Блока не Командору, а Анне. Трагизм ситуации подчеркивается за счет изображения поэтом душевного состояния лирического героя, оказавшегося в одной комнате с мертвой женщиной. Трагизм усиливается и за счет предположения, что убийцей Донны Анны является сам Дон Жуан. Правдоподобной причиной смерти Анны было сближение с Дон Жуаном. Отметим, что могилой Анны оказалась «пышная спальня». Выбор Блоком интерьера кажется нам не случайным.

¹³ А. А. Блок, *Я ее победил наконец!*, [в:] он же, *Полное собрание сочинений и писем*: в 20 т., Москва: Наука 1997, т. 3: *Стихотворения*, с. 37.

¹⁴ Нашей целью в данной статье является не полный анализ стихотворения, а указание на преемственность в поэзии Блока тем и образов, а также интерес поэта к донжуанской тематике. Разные аспекты стихотворения *Шаги Командора* рассматривались нами до сих пор в следующих статьях: «*Шаги Командора*» А. А. Блока и «*Шаги командора*» М. Г. Успенского. *О некоторых способах диалога с «чужим словом»*, [в:] *Literatura rosyjska XVIII–XXI w. W dialogu ze spuścizną literacką i kulturową*, под ред. О. Główko и Е. Sadzińskiej, Łódź: PRIMUM VERBUM 2010, с. 360–366; «*Госпитальная поэма*» и «*Шаги Командорова*» Давида Самойлова. *О функции донжуанского мифа*, «*Slavia Orientalis*» 2013, № 4, с. 589–597; «*Старый рок*», «*Соглядатый суровый*», «*Сержант Командоров*». *Трансформации образа Командора в русской поэзии первой половины XX века*, «*Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica*» 2016, № 9, с. 73–84.

Вышеотмеченное вместе с информацией о том, что смерть Донны Анны является переходным состоянием между жизнью и смертью, позволило нам предположить, что женщина стала жертвой Дон Жуана-вампира. Нахождение на грани жизни и смерти характерно именно для жертв вампиров. Они, заражаясь от них вампиризмом, сами превращаются в живых мертвецов. Вышезамеченное позволяет увидеть в разработке Блоком образа Донны Анны не только отзвуки мифа Прекрасной Дамы (что отмечалось исследователями много раз), но и трансформацию вампирического мифа.

Убедительным в этом плане оказался тоже сравнительный анализ *Шагов Командора* со стихотворением *Я ее победил наконец!* Ряд переключек на образном и языковом уровне («пышная спальня» – «дворец с тяжелыми коврами», «могила» – «гроб», присутствие третьего, набор неожиданных звуков, смерть жертвы) позволяет заключить, что прочтение *Шагов Командора* через вампирический миф является одним из возможных обращений к поэме Блока. Добавим, что такое прочтение не исключает предыдущие, а дополняет их. Сравнительный анализ стихотворений позволил нам отметить процесс трансформации вампирического мифа в поэзии Блока, а также доказать родство образа вампира с образом Дон Жуана. Благодаря постепенному обогащению лирического героя Блока новыми чертами, миф Дон Жуана приобретает в его поэзии все более яркие очертания и становится легко узнаваемым.

В блоковедении многократно отмечалось, что мистическое поклонение Прекрасной Даме сменяется у поэта обращением к земной женщине. Вместо рыцарского поклонения Даме появляется земная страсть к «незнакомке»¹⁵. Блоковский образ «незнакомки» занял центральное место в так называемом «башенном мифе» поэта. Одним из первых отражений этого мифа стал рассказ *Голова Медузы* (завершенный в 1907, опубликованный только в 1918 году) Лидии Зиновьевой-Аннибал – хозяйки «башни», музы Вяч. Иванова.

Одной из особенностей рассказа Зиновьевой-Аннибал является объединение в нем сюжета блоковского стихотворения *Незнакомка* с мифом о Горгоне и с мифом о Дон Жуане. Поскольку рассказ подвергался уже анализу с точки зрения его довольно демонстративной соотнесенности с *Незнакомкой* Блока, не будем останавливаться на выявлении сходства между произведениями¹⁶.

¹⁵ З. Минц считает, что на трансформацию лирической героини Блока повлияли три основные причины: мировоззренческие (отход от философии Вечной Женственности Владимира Соловьева), социальные (рост интереса к низам жизни) и биографические (сложность отношений Блока с женой). З. Г. Минц, *Поэтика русского символизма...*, с. 20.

¹⁶ См., например: А. Б. Шишкин, *Блок на Башне*, [в:] *Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века*, под ред. В. Е. Багно и др., Санкт-Петербург: Филологический факультет С.-Петербургского университета 2006, с. 88–90; А. В. Лавров, *Маргиналии к блоковским*

Рассмотрим рассказ в контексте интересующего нас донжуанского аспекта мифа Блока.

Донжуанизм Блока включен Зиновьевой-Аннибал, с одной стороны, в контекст творчества поэта, с другой – в весьма важный для писателей Серебряного века вопрос о сущности творчества и о назначении искусства (напомним – герои рассказа являются художниками). Предметом разговора героев становится реальная женщина – одна из посетительниц ресторана, которая в опьяненном воображении собеседников становится Горгоной способной превращать людей в камни. Мотив камня/окаменения, с одной стороны, сближает античный миф о Горгоне с интересующим нас литературным мифом о Дон Жуане, с другой – с модернистским мифом об окаменении как переходе в иную форму существования.

Каменной внешностью в рассказе отличается не только женщина, но и главный герой – Незнакомов. Каменная природа Незнакомова («скульптурные кудри», «мертвенные голубо-тусклые глаза») намекает на портретные черты самого Блока, статуарность которого довольно часто подчеркивалась и мифологизировалась современниками поэта (вспомним портрет К. А. Сомова, который акцентировал мертвенную холодность лица Блока). Отметим, что в описании Незнакомова сохранен специфический образ поэта, какой воспринимали его современники в пору *Незнакомки*¹⁷.

К полному окаменению влечет героя, с одной стороны, женщина-Горгона, с другой – таинственный собеседник Незнакомова англичанин Фэрес. Тоже в описании Фэреса подчеркивается его неподвижность и мертвенность, позволяющая рассмотреть в нем сходство с каменной статуей Командора из мифа о Дон Жуане:

Он [Незнакомов – А. Ш.] заказал себе вторую бутылку красного вина и увидел, как длинно шагал через комнату деревянной походкою великорослый, сухожильный, неподвижный на длинных ногах, обтянутых спортивными чулками, человек. [...] Лицо было большое, большое, и очень белое, и гладко, мягко выбритое. А свинцово-серые глаза – совсем мертвые и под веками без ресниц, отяжелелыми, как у человека недосыпающего¹⁸.

текстам: Блоковская «Незнакомка» в рассказе Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, [в:] Александр Блок. Исследования и материалы, отв. ред. Ю. К. Герасимов, Ленинград: «Наука» 1991, с. 185–187.

¹⁷ А. В. Лавров, *Маргиналии к блоковским текстам: Блоковская «Незнакомка» в рассказе Л. Д. Зиновьевой-Аннибал...*, с. 185.

¹⁸ Л. Д. Зиновьева-Аннибал, *Голова Медузы*, [электронный ресурс] http://az.lib.ru/z/zinowewaannibal_1_d/text_1918_net05.shtml [12.03.2020].

Характеристика Фэреса дополняется Зиновьевой-Аннибал вампирическими чертами, что подтверждает продуктивность этого мотива в творчестве модернистов:

Он [Фэрес] казался лилово-серым в странном свете.

Незнакомов вздрагивал легкою дрожью, и ему было слегка приятно ощущение страха. Казалось ему, большой лилово-белый паук обматывает его сетью. Неподвижно сидит, а сеть как-то плетется, липнет. И кровь тихо и верно высасывается из его стынувших жил¹⁹.

В конце беседы Фэрес сжимает окаменелой рукой ладонь Незнакомова. Известный жест пожатия каменной руки отсылает к мифу о Дон Жуане. Как кажется, мотив окаменения в рассказе соотносится с волнующей писательницу темой роли искусства способного уловить, а затем запечатлеть ускользящую, изменчивую действительность.

Рассказ Зиновьевой-Аннибал способствовал формированию мифопоэтического образа Блока – художника и донжуана. Узнаваемость поэта гарантировалась не только его характерной внешностью, но, прежде всего, апелляцией писательницы к темам и мотивам блоковской *Незнакомки*, а также к эстетическим вопросам, волнующим участников встреч на «башне». Обнаружение донжуанского аспекта рассказа *Голова Медузы* проливает дополнительный свет на модернистский миф поэта.

Миф Дон Жуана был весьма существен для самосознания Валерия Брюсова. Однако его восприятие разное от восприятия Блока. Философско-эстетические взгляды Брюсова на Эрос во многом определила жизненная философия Станислава Шибышевского, выступающего на рубеже веков в роли вдохновителя литературной жизни в Европе (в том числе и в России). Одной из причин популярности Шибышевского был его «эксцентрический» и «скандальный» образ жизни²⁰, а также провокативная тематика его литературных произведений²¹. Особо подчеркнем, что отношение писателя к женщинам как в реальной жизни, так и в литературных произведениях отмечено чертами духовного вампиризма²².

¹⁹ Там же.

²⁰ Его многочисленные истории с женщинами нередко приводили к скандалам и трагедиям, которыми затем Шибышевский, понимающий свою жизнь как художественный акт, питался, ставя частное на службу творчества. См. об этом: Г. Риц-Цюрих, *Станислав Шибышевский как культовая фигура и скандальный автор европейского модернизма. Феномен Шибышевского и его затрудненное восприятие*, [электронный ресурс] http://az.lib.ru/p/pshibyshewskij_s/text_2002_pshibyshewskij_kak_kultovaya_figura.shtml [17.03.2020].

²¹ Там же.

²² Одним из примеров жизненного вампиризма Шибышевского является скандал, связанный с многолетней любовницей поэта, и матерю его ребенка – Мартой Фёрдерер,

За Брюсовым тоже закрепилась слава весьма опасного соблазнителя, потребляющего чужие жизни, отличающегося вампирическим бездушием²³. Напомним один из романов поэта – с Ниной Петровской, получивший большой резонанс в московских богемных кругах. Чувство поэта к Петровской превратилось в страсть, которая Брюсова вела к обновлению, а ту, на которую она распространялась к нравственной гибели. Отношения любовников нашли свое отражение в романе Брюсова *Огненный ангел* (1907–1908), ставшего программным символистским произведением в аспекте жизнетворчества.

Вампиризм, которым были отмечены отношения Брюсова с женщинами, стал также одной из характеристик брюсовских героев. Наглядным примером является стихотворение 1895 года «И снова...»:

Я помню боль, я помню ужас страсти,
И страшный вид окровавленных губ,
И смутный звон разорванных запястий!..
Но там, в горах, с уступа на уступ
Идёт заря, и нет у ночи власти.
Кругом светло, в моих объятьях труп...
Отпрянув, я смотрю в безумной дрожи,
Как синева расходится по коже²⁴.

Одним из наиболее известных вампиров в поэтическом творчестве Брюсова оказался его Дон Жуан. *Дон-Жуан* (1900) является очевидным примером слияния в одном стихотворении вампирической тематики с мифом Дон Жуана. Брюсов не оставляет никаких сомнений в прочтении *Дон-Жуана* именно в вампирическом русле. Его герой сам называет себя вампиром: «Да! я гублю! пью жизни, как вампир!».

покончившей жизнь самоубийством из-за романа Пшибышевского с Дагни Йуэль. Скандальное и трагическое происшествие нашло затем отражение в его пьесе *Большое счастье*. См. об этом: там же.

²³ См.: В. Дьякова, *Валерий Брюсов. Серебряный огненный век*, «Чудеса и приключения» 2013, № 6. Интересный свет на отношения Брюсова с женщинами и его отношение к любви бросают воспоминания Ходасевича, в которых подчеркивается тот же вампиризм поэта и понимание любви как обряда, который ему безразлично, с кем совершать. В. Ф. Ходасевич, *Некрополь. Воспоминания*, Bruxelles 1939, [электронный ресурс] http://az.lib.ru/h/hodasewich_w_f/text_0020.shtml [17.03.2020].

²⁴ В. Я. Брюсов, *Полное собрание сочинений и переводов*, Санкт-Петербург: Сирин 1913, т. 1, [электронный ресурс] [https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%98_%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0%E2%80%A6_\(%D0%91%D1%80%D1%8E%D1%81%D0%BE%D0%B2\)%D0%9F%D0%A1%D0%A1_1913_\(%D0%92%D0%A2:%D0%81\)](https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%98_%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0%E2%80%A6_(%D0%91%D1%80%D1%8E%D1%81%D0%BE%D0%B2)%D0%9F%D0%A1%D0%A1_1913_(%D0%92%D0%A2:%D0%81)) [17.03.2020].

Вампиризм лирического «я» оправдывается характерными для мировоззрения поэтов-модернистов стремлением к обладанию высшей тайной. Приобщиться к мировому абсолюту позволяют Дон Жуану две страсти – любовь и смерть жертв. Смерть жертв оказывается, однако напрасной, так как приобщение к абсолюту носит временной характер. Сближая Дон Жуана с вампиром, Брюсов перевел известный образ из универсальной области мифа в область модернистской культуры с ее мрачностью и безысходностью.

Именно культура эпохи, с присущими ей философскими, культурными и интеллектуальными вопросами сыграла определяющую роль в трактовке мифа Дон Жуана Брюсовым и Блоком. Как мы пытались доказать, донжуанская тематика поставлена в творчестве поэтов в широкий и сложный контекст эпохи с ее ведущими темами, такими как: вампиризм, «Вечная Женственность», верность идеалу, назначение искусства. Немаловажным фактором при трактовке мифа Дон Жуана оказалась также распространенная среди модернистов житнетворческая практика. Рассмотрение мифа Дон Жуана в жизни и творчестве Блока и Брюсова в сложном контексте эпохи позволяет заново убедиться в продуктивности и потенциале мифа Дон Жуана, выходящими далеко за рамки привычных представлений о нем как о соблазнителе.

References

- Azadovskii, Konstantin. *Serebryanyi vek. Imena i sobytiya*. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo Pushkinskogo Doma: Nestor-Istoriya, 2016. <https://books.google.pl/books?id=o0EwDwAAQBAJ&pg=PT69&lpg=PT69&dq=%D0%9F%D0%B5%D1%81%D0%BD%D1%8C+%D0%B0%D0%B4%D0%B0+%D0%B1%D0%BB%D0%BE%D0%BA&source=bl&ots=sYJvKdNyNz&sig=ACFu3U1orNQrnJyeSrATlucXFua0ikdbw&hl=pl&sa=X&ved=2ahUKEwjZoe2GnY3oAhVKxaYKHcHLDAMQ6AEwBXoECAkQAQ#v=onepage&q=%D0%9F%D0%B5%D1%81%D0%BD%D1%8C%20%D0%B0%D0%B4%D0%B0%20%D0%B1%D0%BB%D0%BE%D0%BA&f=true>
- Bagno, Vyacheslav E. *Rasplata za svoevolie, ili volya k zhizni*. In: *Mif o Don Zhuane. Novelty, stikhi, pesy*, ed. V. E. Bagno. Sankt-Peterburg: Terra Fantastica, 2000.
- Blok, Aleksandr A. *Pisma k zhene*, ed. V. R. Shcherbina. Vol. 89. Moskva: Nauka, 1978.
- Blok, Aleksandr A. *Ya ee pobedil nakonets!* In: *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 t. Vol. 3*. Moskva: Nauka, 1997: 37.
- Bryusov, Valerii Ya. *Polnoe sobranie sochinenii i perevodov*. Vol 1. Sankt-Peterburg: Sirin, 1913. [https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%98_%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0%E2%80A6_\(%D0%91%D1%80%D1%8E%D1%81%D0%BE%D0%B2\)/%D0%9F%D0%A1%D0%A1_1913_\(%D0%92%D0%A2:%D0%81\)](https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%98_%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0%E2%80A6_(%D0%91%D1%80%D1%8E%D1%81%D0%BE%D0%B2)/%D0%9F%D0%A1%D0%A1_1913_(%D0%92%D0%A2:%D0%81))
- Dyakova, Viktoriya. “Valerii Bryusov. Serebryanyi ognennyi vek”. *Chudesa i prikladyeniya*. No. 6 (2013): 176–192.
- Ekonen, Kristi. *Tvorets, subekt, zhenshchina. Strategii zhenskogo pisma v russkom simvolizme*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011.
- Ginzburg, Lidiya. *O psikhologicheskoi proze*. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1977.
- Igosheva, Tatyana V. *Rannaya lirika A. A. Bloka (1898–1904). Poetika religioznogo simvolizma*. Moskva: Global Kom, 2013.

- Khodasevich, Vladislav F. *Nekropol. Vospominaniya*. Bruxelles, 1939. http://az.lib.ru/h/hodasevich_w_f/text_0020.shtml
- Lavrov, Aleksandr V. *Marginalii k blokovskim tekstam: Blokovskaya "Neznakomka" v rasskaze L. D. Zinovoei Annibal*. In: *Aleksandr Blok. Issledovaniya i materialy*, ed. Yu. K. Gerasimov. Leningrad: Nauka, 1991: 185–187.
- Matic, Olga. *Eroticheskaya utopiya: novoe religioznoe soznanie i fin de siècle v Rossii*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008: 33.
- Mints Z. G., *Aleksandr Blok i russkie pisateli*. Sankt-Peterburg: Iskusstvo – SPB, 2000.
- Mints, Z. G. *Poetika russkogo simvolizma*. Sankt-Peterburg: Iskusstvo – SPB, 2004.
- Rits-Tsyurikh, German. *Stanislav Pshibyshevskii kak kultovaya figura i skandalnyi avtor evropeiskogo modernizma. Fenomen Pshibyshevskogo i ego zatrudnennoe vospriyatie*. http://az.lib.ru/p/pshibyshevskij_s/text_2002_pshibyshevskiy_kak_kultovaya_figura.shtml
- Shishkin, Andrei B. *Blok na Bashne*. In: *Bashnya Vyacheslava Ivanova i kultura Serebryanogo veka*, ed. V. E. Bagno. Sankt-Peterburg: Filologicheskii fakultet S.-Peterburgskogo universiteta, 2006: 88–90
- Szymanska, Aleksandra. "Shagi Komandora" A. A. Bloka i "Shagi komandora" M. G. Uspenskogo. *O nekotorykh sposobakh dialoga s "chuzhim slovom"*. In: *Literatura rosyjska XVIII–XXI w. W dialogu ze spuścizną literacką i kulturową*, ed. O. Glowko and E. Sadzinska. Lodz: PRIMUM VERBUM, 2010: 360–366.
- Szymanska, Aleksandra. "Gospitalnaya poema" i 'Shagi Komandorova' Davida Samoilo. *O funktsii donzhuanskogo mifa*. *Slavia Orientalis*. No. 4 (2013): 589–597.
- Szymanska, Aleksandra. "Staryi rok, 'Soglyadatai surovyyi', 'Serzhant Komandorov'. Transformatsii obraza Komandora v russkoi poezii pervoi poloviny XX veka". *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica*. No. 9 (2016): 73–84.
- Zinoveva-Annibal, Lidiya D. *Golova Meduzy*. http://az.lib.ru/z/zinowxewaannibal_l_d/text_1918_net05.shtml

Received: 11.08.2022. Verified: 22.10.2022. Accepted: 23.10.2022.

© by the author, licensee University of Lodz – Lodz University Press, Lodz, Poland. This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution license CC-BY-NC-ND 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/>)